

Надежда Пазухина
Институт философии и социологии
Латвийского Университета,
Балтийская международная академия
(Рига, Латвия)

«Культурные практики латвийских староверов в межвоенный период (1920-1940)»

[Тезисы]

На территории современной Латвии исторически сформировалась устойчивая этно-религиозная группа староверов беспоповского направления. Первые организованные общины противников реформ патриарха Никона появились в Курляндском герцогстве во второй половине XVII века (деревня Лигинишки, ныне – в административных границах г. Даугавпилса). Большинство современных староверческих общин Латвии относится к поморскому согласию, однако исторически важную роль играли и федосеевские общины.

Вынесенный в заглавие реферата термин «культурные практики» связан с так называемым *праксеологическим* подходом в социокультурных исследованиях. *Практики* в этом контексте понимаются как рутинизированные, повторяющиеся действия людей, ориентированные на принятые в данной культуре образцы (поведения, восприятия, интерпретации и т.д.). В культуре староверов можно выделить устойчивые социокультурные практики, обеспечивающие стабильность этой этно-религиозной группы, благодаря воспроизводству традиционной модели взаимоотношений внутри староверческой общины, системы взглядов и представлений, обрядов и обычаев, маркирующих отличительные особенности «своих». Однако практики ориентированы не только воспроизводство определенного образца, принятого внутри определенного сообщества, но и на адаптацию к «внешним» условиям, меняющимся под влиянием общих изменений культурной ситуации.

С этой точки зрения, период 1920-х – 1930-х годов представляет особый интерес для изучения трансформаций внутри культурной

традиции: с одной стороны, сохраняются важные практики самоорганизации, религиозного воспитания и благотворительности, с другой стороны, эти же практики приобретают новые формы, отвечая на «запросы времени», т.е. приспосабливаясь к новой социально-политической ситуации.

Исторические условия существования староверия способствовали формированию особого социокультурного опыта в староверческой среде. Преследования и ущемления в правах, которым старообрядцы подвергались на территории Российской империи вплоть до начала XX века, а также догматически закрепленное в беспоповстве уложение о невозможности церковной иерархии обусловили особенности практик самоорганизации староверов. Общины беспоповского согласия имели автономный характер, по существу являясь институтами самоуправления, в которых решающая роль принадлежала решениям общего собрания членов общины.

До начала XX века внутренняя жизнь старообрядческих общин главным образом зависела от их способности сохранить свой *status quo* в отношении ограничений административного порядка. Хотя в целом, староверы, проживавшие на территории современной Латвии, находились в сравнительно благоприятных условиях, тем не менее в зависимости от изменений в политике царского правительства староверы регулярно подвергались репрессиям. После издания императором Николаем II Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17.04.1905), в котором среди прочего декларировалась религиозная терпимость к «раскольникам», в старообрядческой среде формируется новое понимание социальной общности – регулярно происходят староверческие соборы и съезды, создаются общественные организации. И если после революции 1917 года в России такие практики самоорганизации стали практически невозможны, то в Латвии, как и в других странах Балтии и Польше, староверы продолжали активную общественную деятельность, т.к. на уровне национального законодательства признавались одной из традиционных конфессий. В рассматриваемый период лидерские позиции в староверческой среде постепенно начинают занимать личности нового

типа. Наряду с авторитетом старообрядческих духовных наставников доверие верующих завоевывают и «светски» образованные староверы. Именно эти люди инициировали освоение староверами новых практик, точнее, стремились адаптировать традиционный опыт к требованиям современной ситуации. Так, практика соборов (соборных решений) как один из главных способов принятия решений, важных для всей общины верующих, в староверии (и в православной традиции в целом), в 1920-х годах трансформировалась в форму съездов (не только в Латвии, но и в Эстонии, Литве и Польше). Съезды стали наиболее приемлемой для большинства староверов формой обсуждения и решения актуальных проблем, с которыми староверы сталкивались не только в религиозной, но и в социальной сфере. Избранные на съездах представительные органы (например, Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии) исполняли обязанности «посредников» между староверческими общинами и государственными учреждениями (в частности, распределяли государственное пособие, выделявшееся правительством Латвии всем традиционным конфессиям во второй половине 1920-х годов).

Еще одной формой самоорганизации староверов, которая успешно реализовывалась в практике латвийских староверов в 1920-е – 1930-е годы, были культурные общества и кружки. Направления деятельности старообрядческих обществ должны были вписываться в рамки действующего законодательства. В городах, где староверы более активно перенимали практики «секулярного» мира (или более гибко к ним приспособливались) процесс трансформации традиционных практик, например, благотворительности и религиозного воспитания (духовного образования), происходил быстрее, чем в сельской местности, где доминирующую роль продолжала играть община. В отличие от общин, староверческие общества по численности были меньше, а целью их работы было главным образом решение социальных проблем (благотворительность и взаимопомощь, например, опыт Двинского (Даугавпилсского) старообрядческого братства, Рижского общества по воспитанию бедных детей, Старообрядческого общества Латвии). Исключительным явлением стал рижский Кружок ревнителей русской

старины, основанный в 1927 г. Иваном Никифоровичем Заволоко (1897 – 1984) с филиалами в Даугавпилсе, Резекне и Елгаве. Главной задачей деятельности кружка было сохранение традиций староверия, изучение культурного наследия допетровской Руси и религиозное воспитание староверческой молодежи.

В 1920-е-1930-е годы латвийские староверы продолжали искать формы религиозного образования, наиболее соответствующие реальной ситуации. Возможность преподавания Закона Божия для староверов в общеобразовательных школах Латвии, предоставленная на законодательном уровне, стала стимулом для подготовки профессиональных учителей-староверов. Особое внимание, которое уделялось этому вопросу частью наиболее активных духовных наставников и представителей старообрядческих общин и обществ (организация двух Вселатвийских съездов вероучителей – 1931, 1935 г., а также религиозно-педагогических курсов – 1930, 1931, 1932, 1934 гг.), свидетельствует о стремлении использовать даже ресурс сотрудничества с государственными институтами для того, чтобы замедлить процессы секуляризации в среде староверческой молодежи. Разработав специальную учебную программу для общеобразовательных школ, староверы в 1930-е годы смогли удержать от «выпадения» из традиционных культурных практик молодое поколение, выбравшее светское образование и, возможно, не имевшее прочных связей с религиозными практиками староверческой общины. «Специализированно» преподавание вероучения детям-староверам частично компенсировало постепенную утрату религиозного воспитания в семье, особенно в городской среде.

В межвоенный период именно староверческая молодежь стремилась интегрировать новые культурные практики, например, новые методики преподавания или новые формы сохранения и актуализации культурного наследия (экспедиции, выставки, периодические издания), в уже существующий опыт. Последствия этого процесса проявились в двух аспектах. Во-первых, в среде самих староверов началось осознание тех проблем, которые представляли наибольшую опасность для сохранения духовного авторитета древлеправославия. Во-вторых, произошел заметный

переход от патриархального воспитания как главного канала трансляции традиции к просвещению (образованию), другими словами, к рационализации религиозного опыта и институционализации религиозного образования. Деятельность староверческих кружков, культурных обществ, воскресных школ, попытка разработки единого стандарта учебной программы по основам вероучения, сместили акцент с непосредственной преемственности традиции в форме религиозных практик (в рамках уклада повседневной жизни) на комплекс знаний о традиции и ее реконструкцию. Однако именно такое осознание и позиционирование в публичной сфере (концерты, лекции, публикации) исторической ценности культурного наследия староверия, открыло возможности сотрудничества староверов с другими общественными организациями в Латвии и за ее рубежами, с профессиональными историками и археографами, а также вызвала у широкой аудитории интерес к феномену староверия в целом.